

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

КНИГИ
ИРИНЫ МУРАВЬЁВОЙ —
ПОДЛИННОЕ УКРАШЕНИЕ
ВАШЕЙ БИБЛИОТЕКИ,
ИЗЫСКАННАЯ ПРОЗА
ДЛЯ НАСТОЯЩИХ ГУРМАНОВ
В ЛИТЕРАТУРЕ:

- Любовь фрау Клейст
- Веселые ребята
- Портрет Алтовити
- День ангела
- Напряжение счастья
- Сусанна и старцы
- Жизнеописание грешницы Аделы
- Отражение Беатриче
- Страсти по Юрию
- Вечер в вишневом саду
- Полина Прекрасная
- Райское яблоко
- Соблазнитель
- Имя женщины — Ева
- Я вас люблю
- Ты мой ненаглядный!
- Дневник Натальи
- Елизаров ковчег
- Младенческие опыты женщины

Семейная сага «Я вас люблю»:

- Барышня
- Холод черемухи
- Мы простимся на мосту

ИРИНА
МУРАВЬЁВА

МЛАДЕНЧЕСКИЕ
ОПЫТЫ
ЖЕНЩИНЫ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М91

Художественное оформление серии *А. Старикова*

Муравьева, Ирина.

М91 Младенческие опыты женщины / Ирина Муравьева. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Любовь к жизни. Проза И. Муравьевой).

ISBN 978-5-699-86984-8

«Младенческие опыты женщины» — новое сочинение признанного мастера современной прозы Ирины Муравьевой. Эту маленькую, но ювелирную вещь можно смело ставить в один ряд с «Другими берегами» В. Набокова, потому что в ней — благоуханные берега детства, отталкиваясь от которых писатель плывет в Большую литературу. Мир первых чувств: любви, ревности, страха, жалости, стыда — дан полнозвучно, полновесно, импрессионистически точно. И оказывается, что секунду предельного счастья можно взять в руки, как птенчика с нежным, неистово заколотившимся сердцем. «Младенческие опыты женщины» — это книга о становлении женственности, поэзии, судьбы.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Муравьева И., 2016
ISBN 978-5-699-86984-8 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Представьте себе, что человек очень крепко спит и вдруг просыпается от какого-то толчка. Просыпается не до конца, но все-таки успевает увидеть что-то очень знакомое: скажем, освещенную солнцем ветку за окном. И вдруг он теряет ощущение времени, он теряет себя. Ему кажется, что он попал обратно в собственное детство. Это ощущение может длиться не больше двух-трех секунд, но острота его запоминается надолго. Потому что за эти две-три секунды детство успело окатить всего человека, как морская волна, от которой он не успел вовремя убежать на берег. «Младенческие опыты женщины», которые я написала за пару недель, и были такой морской волной. Это очень маленькая книга. И это — самая важная для меня книга, потому что ни в одном другом тексте я не встретила с самою собой так внезапно и отчетливо, как в ней. И ни в одной другой книге я не сделала того, что попыталась сделать в этой: поблагодарить — до боли в сердце, до соленого кома в горле — своих родных: отца, бабушку, деда, которых нет здесь, но которые вернулись ко мне и вновь помогли, как делали это всегда.

Ирина Муравьева

МЛАДЕНЧЕСКИЕ
ОПЫТЫ ЖЕНЩИНЫ

Цикл рассказов

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В жизни простого человека очень много загадочного. Это ведь только кажется, что он — простой человек, на самом деле каждый из нас — вылитый Бермудский треугольник. Я родилась в клинике на Пироговке и отлично помню, что день этот был солнечным и теплым по-летнему. Одна старушка даже побежала полоскать белье на Москва-реку, но ее отогнал милиционер. Как раз в это время я и родилась. Вернее сказать, появилась. Откуда я появилась? Если верить фактам, то из материнского живота, а если не верить, то вот вам и первая загадка. Появившись, я первым делом посмотрелась в зеркало. Зеркала в родильной комнате не было, но была зеркальная поверхность у какого-то тазика. И я заглянула в нее и расстроилась. Во-первых, на моей голове не было ни одного волоса — ни черного, ни белого, во-вторых, у меня был отвратительный цвет лица: такой красный, будто я все утро парилась в бане, в-третьих, фигура оказалась безобразной: толстая, с короткими ногами, вся в складках. Я увидела, что похожа на бульдога. От этой мысли я горько заплакала и получила короткий и звонкий шлепок от незнакомой женщины с выпуклыми глазами. Тогда я сказала себе, что никаких ударов

больше не потерплю: слишком унижительно. Продолжая плакать, я взглянула в окно. За окном два белоснежных голубя свирепо дрались за какую-то крошку. Моя нагота испугала меня. В комнате был доктор — мужчина средних лет очень приятной наружности, он мыл руки под краном и старался не смотреть в мою сторону: ему тоже было неловко. Через пару минут меня завернули в застиранную и много раз чужими младенцами ношенную тряпку. Это немедленно вызвало злость, и я тут же поняла, что в здравом рассудке и твердой памяти никогда не буду донашивать вещи с чужого плеча.

«И перелицованного не желаю! — сверкнуло внутри. — Лучше смерть!»

Вскоре нас с мамой перевели в палату и начался обед. Еда была так себе, однообразной. Мне хотелось чего-то остренького, вроде маринованных грибов или селедочки, но мама упорно отпаивала меня молоком, как инвалидку.

— Вот выйду отсюда и всем покажу! — мечтала я, лежа в каком-то корытце. — Во-первых, оденусь со вкусом. Потом — в Лужники, на каток, а в субботу — в кино.

Опыта не было никакого, и приходилось довольствоваться скудными обрывками прошлых жизней. С ними, кстати, одна морока. Почему, например, я так яростно невзлюбила Татьяну Самойлову? В ординаторской показывали фильм «Летят журавли», и весь медперсонал сидел и смотрел, вытирая глаза белыми халатами. Меня как раз провозили мимо ужинать. Я скосила глаза на телевизионный экран

и увидела на нем эту высокоскулую, чернобровую, с сильными ногами и тонкой талией. И кто-то ее обнимал, в телогрейке.

«Ну, ты от меня не уйдешь!» — подумала я, запищав от волнения.

Понятно, что в моей прошлой жизни и в прошлой жизни знаменитой артистки было что-то, о чем она, радуясь своей знаменитости, давно позабыла, в то время как я — в своих тряпках и чепчике — еще не учась, не работая, вспомнила.

В роддоме я первый раз в жизни влюбилась. Причем не в какого-нибудь сосунка, которых множество валялось неподалеку от меня в таких же корытцах, а во взрослого человека мужского пола. Он был помощником медсестер, а может быть, проходил в этой клинике какую-то практику, — не знаю. Но только на нем был такой же халат, как на всех, а шапочка еле держалась на его дыбом стоящих, ярко-золотых волосах. Я еще не видела настоящего солнца, и сияние на его голове показалось мне вершиной прекрасного. При виде этого золота я начинала смеяться от счастья и громко икать. Меня очень грубо поили водой, стараясь избавиться от этой икоты, но я упиралась.

— Живот у нее не работает. Бедная, — сказала слезливая нянька. — Икает, икает... Небось ктой-то сглазил.

Яркий, кстати, пример того, что один человек никогда не поймет другого человека, особенно если чувства другого человека, в данном случае мои, не вызывают у него сопереживания. Не надо быть

Фрейдом. И Юнгом не надо. Никем, уверяю вас, кроме себя, вообще быть не надо.

Золотая моя любовь вскоре была приставлена к еще двум младенцам — одного звали Жорой, а другого Никитой, — с целью гигиенического обслуживания и удовлетворения их человеческих нужд, кроме, разумеется, кормления грудью. С Жорой и Никитой золотой справлялся лихо, хотя и халтурил слегка: Жору, например, мыл и насухо вытирал полотенцем, а Никиту, который был ему не очень симпатичен, просто отскребал и смазывал вазелином. Никита ужасно блестел, весь был скользким. Со мной же у него просто ничего не получалось. Я сама это переживала, боясь, что его отчислят из медицинского института и он загремит в армию, — но что я могла поделать? Как только он прикасался ко мне, я пыталась придать своему складчатому, с короткими, загнутыми, как баранка, ногами телу подобие женственной формы, поэтому выгибала спину и разводила руки в обе стороны, пытаясь уменьшить количество складок. А он, не догадываясь о моих стремлениях, одной огромной своей ладонью сжимал мои бедные руки, возвращая их обе на мой живот, а ноги, которыми я пыталась кокетливо дрыгнуть, сжимал другой ладонью и придавливал их ко дну моего корытца. От этого у меня начиналась истерика. Я рыдала и вырывалась, замечая, что в глазах дорогого для меня человека не отражается ни малейшего чувства, а, наоборот, поднимается легкое раздражение. От этого его раздражения я покрывалась мелкой сыпью, которую

он посыпал скользкой пудрой. Но зато! Зато я на всю жизнь научилась обращаться с мужчинами. Во-первых, нельзя сразу биться в истерику. Они ее дико, нелепо боятся. Это все равно что пропустить через их немного обезьяньи тела заряд электрического тока. Многие просто убегают, и потом попробуй их догони. А многие, которые посильнее, начинают, вот как этот мой практикант, раздражаться и леденеть глазами. Еще неизвестно, что лучше. Короче, эту первую свою любовную игру я проиграла со счетом семь — ноль, поскольку он практиковался на мне ровно семь дней. Семь дней одного года любовная лихорадка терзала меня не меньше, чем Татьяну Ларину, а сны, которые посещали меня в это время, были настолько мощнее этого ее медведя, что даже не стоит их сравнивать. Мне-то снились настоящие чудовища! Я ведь совсем недавно была *оттуда*, где мы, ангелята, часто заглядывали вниз, свесив свои кудри над самой бездной. Нас, конечно, гоняли и даже прикрикивали на нас, хотя это строго запрещено *там*, но все-таки мы кое-что рассмотрели. И кое-кого. Пришли не с пустыми сюда головами.

Главное, я не подозревала о грядущей разлуке. Откуда мне было знать, что из роддома полагается выписывать? Но пришло это утро — ужасное, дождливое, до сих пор помню, как капли стучали по крыше, — и нас разлучили. В последний раз он сжал мои разведенные руки и туго-натуго запеленал меня во все розовое.

— Готова! — сказал он кому-то. — Оп-п-п-а!

Я поняла, что больше никогда его не увижу. Если бы у меня были волосы, я бы выдрала их все до единого. Но волос не было, и я зарыдала так, что услышали в родильной, которая была двумя этажами выше. Рыдание переросло в хрип, и стала я темно-малиновой.

— Не хочет с тобой расставаться, — сказала молоденькая медсестра.

Она взяла меня, прижала к своему правому боку, а к левому прижала тихо спящего Никиту, сцепила пальцы обеих рук на груди и стала спускаться по лестнице. Я завела глаза кверху, чтобы еще раз увидеть его — еще хоть разочек! — но он уже скрылся.

Блеснуло во тьме золотистое что-то. И все.

ЖАЛОСТЬ

В нашем доме все время кого-то жалели. — Как жалко ее! Молодая, красивая, а жизнь — хуже каторги! — говорила бабушка, и я тут же представляла молодую, красивую, с жизнью, похожей на каторгу. А что это — каторга? И тоже жалела, всем сердцем, но быстро.

— Не хочешь — не ешь! Раз отца не жалеешь — не ешь! Мне-то что?

И я доедала холодную кашу. «Жалела отца».

Дед и бабушка жалели людей, жалели землю, которая заждалась дождей и разохлась, жалели убитого Пушкина, даже жалели червей, перееханных чьим-то лихим мотоциклом. Жалость входила в нашу ежедневную жизнь с тою же привычностью, с которой наступают, например, сумерки и нужно зажигать свет. Но дед мне отдельно привил одно чувство: сосущую жалость к животным. Не только бездомным, а просто животным с их общей для всех голубиной покорностью. Благодаря ему я научилась угадывать, что за хриплым лаем рвущейся на цепи вокруг своей будки лохматой дворняжки нет злобы, а есть просто боль. Вернее сказать, вековая тоска. Весь век — на цепи, в темноте, в одиночестве...